

*Татьяна Александровна Богумил,
доцент кафедры литературы филологического факультета АлтГПА*

Экологическая тема в литературе Алтая

В литературе Алтая и об Алтае существует несколько плодотворных тем, в которых наиболее отчетливо явлена региональная специфика: природа, история, этнос. Произведения, разрабатывающие указанную тематику, имеют особую, краеведческую ценность, не обязательно подкрепленную художественными достоинствами. Приятным исключением в этом смысле являются авторы, о которых пойдет речь ниже.

Зачинателем природоведческой, в большей степени охотничьей, нежели экологической, линии на Алтае общепризнанно считается «сибирский Аксаков» - Александр Александрович Черкасов (1834–1895) [Гришаев, Родионов, Юдалевич]. Почти 20 лет он служил в Забайкалье, в Нерчинском горном округе, результатом чего стали неоднократно переизданные, в том числе за рубежом, энциклопедические «Записки охотника Восточной Сибири» (2-е изд., испр. и доп. в 1884 г.). В 1871 году А. А. Черкасов был переведен в Алтайский горный округ управляющим Сузунским заводом, а после отставки в 1883 г. был избран городским главой Барнаула. По впечатлениям этого периода своей жизни он написал ряд очерков, печатавшихся в столичном журнале «Природа и охота» и впервые собранных под одной обложкой в книге «Из записок сибирского охотника» (1994) [Черкасов].

Наибольший интерес в виду объема и разноплановости задействованного краеведческого материала представляет группа очерков, объединенных заглавием «На Алтае» (1893). Специфичность Западной Сибири выявляется в ее противопоставлении Сибири Восточной, откуда переехал автор. Думая об Алтае «с точки зрения охотника и любителя природы», А. А. Черкасов прибегает к древнейшей метафоре, имеющей богатую литературную традицию: страна-женщина. Если Восточная Сибирь – это «красивая брюнетка», наделенная огнем, энергией, страстностью, ярко одетая и богато одаренная мехами, камнями и золотом, то Западная Сибирь – «только миловидная блондинка», все качества которой – лишь малая толика или вовсе отсутствие достоинств первой. Только Южный Алтай «словно перерождается в забайкальскую красавицу брюнетку, и как бы поджидает своего суженого, дескать, <...> я давно уже созрела». Охота описывается у Черкасова в том же регистре эротических отношений с женщиной: «счастливые секунды», когда впервые мелькнет козуля, соперничают с моментом «появления во сумраке ночи знакомого силуэта поджидаемой втайне подруги». Охотник – это тот, кого захватывает надличностное хотение, желание, страсть: «Это сила, и сила такая, которую подчас ничем остановить не возможно. Мне кажется, что с ней сравнится во многих проявлениях жизни человека одна только чистая, искренняя и сердечная любовь». Атмосфера охоты сопричастна поэзии. Так, вечерняя подготовка к ночлегу – «Это своего рода поэзия, которая не поднимается на Парнас из уст знаменитых поэтов. Но тепло забивается в душу охотника и ласкает его мысли и чувства настолько, что он,

как очарованный, забывает все остальное и живет только самим собой, своей собственной, но особой жизнью!..» Рыбалка, в отличие от охоты, где видно, в кого стреляешь, приносит ощущение тайны, отзвука рока: «...при первом ощущении попавшей крупной рыбыны вас точно подбросит на лодочной лавочке <...>, как бы охватит и теплом, и холодом сразу; а вместе с тем явится то бесконечная радость, то охватит какая-то робость, то, наконец, мелькнет надежда или вдруг ошпарит тяжелое сомнение!.. <...> дополните, пожалуйста, сами своим воображением, это будет вернее!.. А если не сможете и сами это сделать, так спросите какого-нибудь понтёра, который, заломив отчаянную карту, глядит на банкмета, который, быстро бросая карты направо и налево, вдруг приостанавливается и тихо сводит верхнюю карту, а понтёр, смотря на следующую и видя пока одни боковые очки, не знает, семерка это или восьмерка!.. Вот ощущение этого понтёра, кажется, ближе всего и подойдет к этому случаю».

Проблема охраны природы возникает в текстах А. А. Черкасова в русле охотничьих интересов. Так, о варварском истреблении лесов вследствие заводской вырубki, пожаров и поджогов Черкасов говорит в связи с гибелью дичи. В записках дан обстоятельнейший отчет о фауне Алтая, и характерно подытожен: «все-таки дичи, и, как видите, дичи весьма разнообразной, достаточно для любого охотника». Некоторые описанные способы охоты на птиц или рыбалки по современным меркам посчитали бы браконьерскими, но на том историческом этапе они были вполне законными.

Вообще животное в очерках Черкасова предстает как объект – добычи ли, жалости. Оно описывается извне, глазами охотника-наблюдателя, убийцы и заинтересованного сочувствующего человека в одном лице. Так, жесточайшие муки совести вызывает у автора случай, когда спасаясь от когтей утятника, пара уток приземлилась прямо у его лодки и была им, за секунду до того радовавшимся их спасению, «машинально» убита.

Другое животное, необходимый участник охоты, – собака, является орудием достижения цели. Объектом, а не субъектом, несмотря на патетические возгласы: «Что может сделать самый лучший ружейный охотник без лягавой собаки? Куда он кинется без своего верного друга и товарища? Скажите, много ли таких охот, где бы собака была лишней? Зато сколько таких, где она играет первую роль!» Не случайно в «Записках охотника Восточной Сибири» речь о собаках идет в разделе «Техническая часть охоты», наряду с ружьем, зарядами к нему, конем и «прочими принадлежностями охоты». Информация дана сугубо практическая – как дрессировать, чем кормить, в чем отличие сибирской породы, классификация собак по объектам охоты (белковые, кабаньи, зверовые, промышленные).

Черкасов определяет себя как «охотник по страсти» и «любитель природы», совмещая в своем лице те функции, которые разойдутся по разным лицам в позднейшей экологической словесности. В литературе претерпевают дальнейшую трансформацию все три необходимые составляющие ситуации охоты: охотник – собака – дичь.

В начале XX века теме охоты, наблюдений за природой отдал дань Виталий Валентинович Бианки. Отвечая на вопрос одного военнослужащего, какой

уголок России стоит выбрать для жизни, а писатель объездил всю страну, Бианки отвечал: «Это Алтай. В жизни не видел ничего более прекрасного. Я жил там в юности 4 года – и до сих пор (а мне седьмой десяток) вспоминаю это время, как чудесный сон... Я бы выбрал Алтай» [Бианки, с. 5]. Топоним (Бийск, р. Бия) на фонематическом уровне вошел в резонанс с фамилией, личностью и судьбой Бианки. Здесь он находит свою будущую жену. Участвует в научных экспедициях, заведует зоологическим отделом краеведческого музея, который носит теперь его имя. На материале своих наблюдений над природой впервые начинает писать художественные произведения и публиковаться, т. е. обнаруживает свое истинное призвание – быть не ученым-зоологом, как отец и брат, а писателем-натуралистом. Непосредственно к Алтаю и Сибири относятся повесть «Аскыр» (1927), рассказы «Последний выстрел» (1927), «Бун» (1927), «Роковой зверь» (1934), «Кувырк» (1944), «Она» (1941). Эти рассказы Бианки создает, уже уехав в Центральную Россию.

В повести «Аскыр» (самец соболя) изначально дано два героя, что обозначено названием первой главки «Степан и Аскыр». Сразу заявлено две точки зрения: охотника и автора-натуралиста. Степан говорит о соболе: «Вот они, где деньги-то! Так по тайге и бегают». А соболенок «сидел в это время под кедром, мелко дышал и дрожал всей шкуркой от страха». Повествование о жизни охотника и соболенка после их первой встречи до поры до времени идет параллельно.

Степан	Аскыр
Первая встреча	
ярославец, «новичок в тайге» – учится жить в непривычных для него условиях	«А в тайге в это время рос и нагуливал шерсть молодой Аскыр»
«а Степан с семьей к весне дожеввал последний свой кусок хлеба»	«Аскыр был сыт и счастлив»
Ураган, вторая встреча	
Преследование зверя: лето, осень, зима	
Последняя встреча	

Аксыр – соболю вороной масти, самой дорогой. Счастье для охотника подстрелить такую добычу. Степан решает добыть Аскыра. На вырученные деньги он сможет уехать в Москву. Степан неоднократно терпит неудачу, преследует зверя через все препятствия, но безуспешно. Однажды Аксыр попался в капкан: «”Дзенн!” – звякнули, выскакивая из-под снега, стальные челюсти. Высоко подскочило гибкое тело Аскыра и забилося, заметалось, захлестало по рыхлому снегу. Кости обеих передних лап Аскыра были раздроблены на мелкие кусочки. Белая рукавичка на левой стала красной от крови. Он извивался от боли и силился вырвать лапы, бешено грызя холодную сталь зубами. Все напрасно: стальные тиски держали крепко. Он и не слышал, как сзади к нему подошел человек. Рука в толстой варежке схватила его, сдавила грудь. Аскыр рванулся, зубы разжались, длинная судорога волнисто пробежала по густому меху, от головы к хвосту. Глаза погасли». Голос повествователя, описывающего его жизнь, замолкает. Да и рассказ о Степане стремительно приближается к концу. Последние слова: «Тем же летом Степан продал вороного Аскыра и уехал с женой

в Москву». Жестокость охотника искупается жизненной необходимостью и риском для здоровья и жизни, которому подвергается сам охотник, ведь промысел – не забава, а тяжкий, изматывающий труд.

Повествование вписано в природный годовой цикл: от лета до лета, 2 года. Все происходящее в повести – естественно и природосообразно. Происходит круговорот жертв в природе. Соболь охотится на зверьков и птиц, чтобы есть. Степан охотится на соболей тоже, чтобы выжить. Но и на охотников есть охотник – Одноглазый, скупщик пушнины. Он сидит на скале, мимо которой проходят все охотники, и выстрелом в затылок убивает тех, кто с богатой добычей. От его пули гибнет соартельщик Степана – Рябой. Примечательно, что прозвище ассоциирует его с добычей: рябой-рябчик, соболя, оцениваемые по масти. Охотник нес на продажу мешок с дорогими мехами и тем самым приобщен к миру зверей метонимически, по смежности. Он – жертва-добыча Одноглазого. Степан догадывается, кто убийца, как-то он видел Одноглазого на скале. Охотники исследуют скалу, с которой был сделан выстрел, и «вскоре в деревне узнали, что Одноглазый убит».

«В тайге ухо остро держи!» - наставление, переданное старым кержаком Степану. На каждого охотника найдется свой охотник – так можно сформулировать принцип жизни, реализованный в повести В. Бианки. Так устроен мир. Позицию автора, тем не менее, обозначает заголовок – «Аскыр», и подзаголовок – «повесть о саянском соболе». Зверь не просто объект промысла, но равноправный соперник человека, одушевленное существо, наделенное своим особым разумом, со своими желаниями, бедами и удачами. Им любят, и его жалко.

Говоря о натурфилософии В. Бианки, исследователь А. Ю. Шелковников выделяет два пространства: сакральное пространство природы и профанное городское пространство. Соответственно делятся и персонажи. Типичный городской житель не прочитывает знаки природы – не умеет читать следы, ориентироваться в диком ландшафте. Таким поначалу является и Степан, он глух и слеп к богатствам тайги. Носители тайны бытия – элементы природы – животные, растения, атмосферные явления. Причастными к этой тайне естественной жизни являются охотники, рыбаки и лесники. Как правило, они не рассматриваются у Бианки как враждебная сила, нарушающая экологическое равновесие. Еще одна фигура, важная для натурфилософии Бианки, – натуралист. Это обычно не профессиональный ученый, а любитель, внимательно наблюдающий за жизнью природы. Себя Бианки воспринимал в сходном ключе. В образе натуралиста, в отличие от ученого, акцентируется глубокий личностный интерес. Именно глазами натуралиста любовно выписаны лесные жители, Аскыр, в частности. Натуралист оказывается более причастным к тайнам природы, нежели охотник или рыбак. Они занимают потребительскую позицию, а он – созерцательную, соучастную [Шелковников].

Произведения В. Бианки оказались источником реминисценций в творчестве некоторых региональных писателей природоведческой направленности, среди которых – Евгений Геннадьевич Гушин.

Есть у В. Бианки рассказ «Последний выстрел», о том, как у двух братьев-охотников выкрали собаку Белку. Кража означала, что братья разорены, ведь их собака была лучшей промысловой лайкой в округе. Повествователь замечает: «Дороже самой драгоценной добычи охотнику его верный друг – собака». Единственная надежда вернуть Белку – пересечься с воров на повороте реки. Братьям удалось добежать до реки раньше, чем туда доплыл вор, но собака оказалась привязанной, не смогла выпрыгнуть из лодки. Старший брат хочет застрелить Белку, чтобы она не плодила щенят вору. Младший отнимает у него ружье – старший ранен – тщательно прицеливается, стреляет, попадает: «У самого уха Мартемьяна ударил выстрел. Мартемьян видел, как Белка сунулась вниз – мордой вперед. <...> Он закрыл глаза и не открывал их, пока брат возился с перевязкой. Не рана его мучила: сердце еще не могло помириться с потерей любимой собаки». И тут случилось чудо – появилась мокрая счастливая Белка. Брат целил не в собаку, а в ремень, которым ее привязали.

Та же тема отношений человека и его собаки раскрывается в повести Е. А. Гущина «Облава». Но совсем по-другому. Писатель начинает рассказ об отношениях человека и собаки с того момента, когда эти отношения доведены до критической точки. Подробно об этом уже писали [Горн]. Здесь я позволю себе напомнить ситуацию.

В Счастливихе (бывшей Горюнихе) организовали рудник, охотники бросили свое занятие, но собак по привычке держали. Собаки, воспитанные веками на промысле, оказались предоставлены сами себе и стали нападать на домашний скот. Этим они «будто бы напоминали людям об их отступничестве», бросили им «какой-то ясно уловимый вызов». Исконное равновесие в природе нарушено и чревато катастрофой. Хозяин вожака стаи, Иван Машатин, отдал кобеля в другой поселок родственнику, чтобы никто не узнал, что это его собака верховодит. Вскоре стая неожиданно уходит из поселка и продолжает задира́ть скот. Люди решают перестрелять собак, с помощью которых кормились многие годы. Машатину становится известно, что его Тайгун вновь возглавляет стаю. Жена предлагает тайком застрелить собаку и закопать, чтобы никто не заставил семью платить за убитый скот. И вот Иван отправился в лес... Здесь необходимо вспомнить следующее. Когда-то Машатин ранил медведя, и тот задрал бы его (второй раз ружье дало осечку), если бы не Тайгун, который прибежал на отчаянный крик хозяина. Теперь Иван искусственно «воссоздает» ситуацию: «Тайгун! Тайгун! — прокричал он с отчаянием, как тогда с дерева у избушки, где караулил медведя. Прокричал и задавленно замолчал, потому что перехватило горло. Затуманенными глазами смотрел он в просвет между ветками. И призывный крик его еще не успел истаять, как увидел: впереди в зелени смородинника мелькнуло что-то живое. Несколько собак выскочили из высоких трав и, вертя головами, остановились. И тотчас от них отделился черный кобель. Он несся на махах вперед, к затаившемуся под кедром Ивану. Тайгун не бежал, нет, он летел, едва касаясь лапами земли, и тело его распласталось над травами, над землей, и было прекрасно в своем порыве».

Финал открытый: «Надо было решаться в ту или иную сторону <...> Иван опустил ружье и прикрыл ладонью набухшие слезами горячие глаза. Облава приближалась».

В. Ф. Горн резюмирует, что история с собаками – это «повод для создания крайне предельной ситуации, в которой человек остается наедине с самим собой, с собственной совестью, в которой проверяется его способность вынести свое назначение на земле. Человек предал собак, а не обернется ли это предательством самого себя?» [Горн].

Е. Гуцин, как известно, имел опыт работы лесником на Телецком озере. О заповеднике – книжка рассказов «Чепин, убивший орла» (1969), роман «Правая сторона», повесть «Храм спасения». Здесь, наряду с охотником, появляется новая фигура – лесничий. В этих произведениях важна экологическая проблематика, поиск должного отношения человека к природе, сопряженный с поиском самого себя.

Еще один писатель, мимо которого нельзя пройти без внимания – это Владимир Борисович Свинцов, страстный охотник и рыболов. «Я вам принес букет из роз, пока донес – устал, как пес...». Это единственное стихотворение прозаика В. Свинцова, которое он сочинил для школьной учительницы. Показательно сравнение: «я, как пес», потому что Свинцов очень много, с глубоким пониманием писал о собаках. Его лучшая тема – та, с которой он вступил на литературный путь, – это природа и человек в контексте этой природы.

Основной сюжет, разрабатываемый писателем, – это соответствие человека/животного своей сути. Проверка человека на человечность часто совершается в охотничьих рассказах. Среди них – рассказы о несостоявшейся охоте. Например, рассказ "Лиса-лисанька" начинается по-сказочному: обмен ценного предмета (подаренный друзьями ножик) на истязаемого зверька – лисенка. В сказках спасенный зверь становится помощником героя. Здесь рассказчик отпускает выросшую лису на волю. Однажды на охоте его собака загоняет зверя, которым оказывается та самая хромая лисица: «Она пробежала совсем рядом, и в глазах ее я увидел укор». Охотник останавливает собаку. Вторично спасая зверя, герой не получает, как в сказке, волшебной помощи, но открывает в себе другое – человечность.

В повести "Хозяин ушел на войну" рассказывается об охотничьей собаке Найде. Хозяин ее ушел на войну, она долго тосковала, искала его. Наконец, прибилась к пасечнику деду Егору, стала помогать ему ловить зайцев. Дед Егор отдавал часть добычи жене хозяина. Охотничьи навыки Найды очень ценились, собаку неоднократно пытались купить, даже украсть. Но жена хозяина сохраняла ее для мужа. Однажды на охоте дед Егор пожалел лишнего патрона и пустил собаку на недобитую лису. Зверь покусал Найду, и она "испортилась", перестала брать лисий след. Наконец с войны вернулся хозяин и пошел на охоту. Неожиданно счастливая Найда взяла след лисицы и пошла по нему. «Хозяин положил палец на спусковой крючок. И вдруг опустил ружье, а потом и сам опустился прямо в снег. Лиса прошла метрах в двадцати, но хозяин ее не видел, он сидел, обхватив голову руками, и по щеке его катилась слеза. Он вытер ее ладонью и почувствовал, что рука его пахнет не порохом – снегом. Простым

снегом. Мирным снегом...». Параллель очевидна. Теперь он, переживший ужасы войны и смерти, «испортился», не способен убивать, даже на охоте.

Некоторые произведения Свинцова повествуют о взрослении/инициации мальчишки через отношение к природе, животному. Эти повести и рассказы можно отнести к разряду детской подростковой литературы. Например, повесть "Ищу друга". У Вовки украли щенка немецкой овчарки, которого он хотел воспитать и отдать пограничникам. Все мальчишки села объединяются, проводят настоящую следственную работу, чтобы разыскать Барсика. Собачий след теряется в соседней деревне, куда в день пропажи щенка переехал один человек. Как выяснилось впоследствии, он украд Барсика, чтобы сделать его сторожем. Щенок больно укусил похитителя, тот его избил до полусмерти и выкинул на соседний участок. Там его подобрал и выходил старичок, бывший пограничник. Когда Вовка с друзьями нашел щенка и совместными с дедушкой усилиями восстановил ход событий, он, страстно желавший найти своего друга, принимает решение оставить собаку у старика. Друг, так теперь звали щенка, остался рядом с новым хозяином. Повесть заканчивается следующими строками: "Так и шагали они по деревенской улице, дружно, в ногу, молча и сосредоточенно, словно шли не трое мальчишек, а взрослые мужчины. Настоящие".

Другую группу рассказов составляют произведения об исконной собачьей сути и жизненной цели, о губительности вмешательства человека в собачью природу. Наиболее показательный в этом смысле рассказ "Звено цепи", где речь идет о собаке, которая растерзала своего хозяина. Рассказчик узнает в убитом псе похищенного у него 3 года назад охотничьего щенка – Радку, Радость. Рассказ предваряет эпиграф из пособия по охотничьему садоводству: "Охотничья собака незлоблива по отношению к человеку и никогда первая не нападает на него...". Все повествование – история о том, как из веселого, доброго щенка путем специальной мучительной дрессуры сделали зверя. И вот однажды, когда хозяин проходил мимо собаки, натянутая цепь лопнула. Авторская позиция выражена в диалоге соседей: «Дядьку Остапа собака загрызла чуть не насмертяку... Если бы соседи не подоспели, вообще конец бы ему был... –Зря подоспели, — зло сказал мужчина и зашагал прочь». "Звено цепи" – это не просто реальная цепь, но и трагический образ лопнувшей дружественной связи между человеком и собакой, человеком и природой. «Собака, не знающая человеческой ласки, стала зверем. Охотничьи инстинкты, что приберегла для нее природа, были потушены болью и злобой. Все люди стали для нее врагами. А хозяин врагом номер один – самым жестоким, самым ненавистным. Постоянная связь между собакой и человеком, взлелеянная тысячелетиями, была разорвана».

Как видим, на протяжении более чем столетней разработки охотничье-экологической темы происходит смена нравственных приоритетов. Животное (зверь/собака) постепенно становится равноправным человеку субъектом, обладающим самостью, волей, чувствами, мыслями и судьбой. В охотнике усиливается натуралистическое начало, в пределе доходящее до расподобления на персонажа-охотника-браконьера и персонажа-натуралиста-лесника. В целом для писателей XX века экологические проблемы взаимоотношений природы и человека оборачиваются проблемой поиска духовного начала в человеке. Во-

прос сохранения природы тождественен вопросу сохранения себя. Закономерно, что сам термин «экология» расширяется на гуманитарную сферу. Согласно Д. С. Лихачеву, обществу необходима не только экология природы, но и экология культуры, т. е. наука, занимающаяся охраной и восстановлением культурной среды [Лихачев]. Естественно, едва ли не важнейшей деятельностью по изучению, формированию личной сопричастности и сбережению местной культуры является краеведение в целом и литературное краеведение, в частности. Описание поэтики литературы краеведческой направленности могло бы стать предметом отдельного сообщения.

Литература:

1. Бианки В. В. Удивительные тайны: Повести, рассказы. – Барнаул, 1984.
2. Горн В. Ф. «Это целая жизнь – человек...» // Истоки и источники: Лит.-критич. ст. — Барнаул, 1983. - С. 81-105.
3. Гришаев В. Ф. Забытое имя: О сборнике А. А. Черкасова «Записки городского главы» // Литературная карта Алтайского края [электронный ресурс].
4. Лихачев Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Русская культура. – М., 2000. – С.159-173.
5. Родионов А. М. Предтечи и наследники // Писатели Алтайского края: биобиблиографический словарь. – Барнаул, 2007.
6. Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. - М., 1994.
7. Шелковников, А. Ю. Натурфилософия и экологический текст в творчестве В. Бианки // Детский текст. Детская литература. Детское чтение. - Ч. 1. - Барнаул. 2007. - С. 231-234.
8. Юдалевич М. И. Литературная жизнь Барнаула // Барнаул. История культуры: Пособие для учителя. – Барнаул, 2000. – С. 60-69.